

Малыгина М. В. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Роль фантастических «топосов» в повести
Нины Дашевской «Вилли»*

Аннотация. В статье рассматривается система фантастических топосов в повести современной писательницы Нины Дашевской. Исследуются способы моделирования фантастического топоса, его функция в художественном мире повести. Аргументируется мысль о том, что фантастические топосы играют психологическую функцию и функцию выражения авторской оценки.

Ключевые слова: повести, фантастические топосы, литературные образы, литературные герои, русская литература, русские писательницы, литературное творчество.

Malygina M. V. (Yekaterinburg, USPU)

*The role of fantastic «tops» in the story
of Nina Dashevskaya «Willy»*

Abstract. The system of fantastic topos is considered in the story of contemporary writer Nina Dashevskaya. The ways of modeling a fantastic topos, its function in the artistic world of the story are explored. The argument is argued that fantastic topos play a psychological function and a function of expressing the author's evaluation.

Keywords: stories, fantastic topos, literary images, literary heroes, Russian literature, Russian writers, literary works.

В нашем веке детей всё больше привлекают различные «необычности»: люди с чудесными способностями, фантазийные миры, в которых герои, попадая в исключительные обстоятельства, совершают удивительные, героические поступки; вероятно, из-за этого стали так популярны жанры фэнтези и фантастики. Однако фантастическое может встречаться и в привычных жанрах – таких, как, например, повесть. Объектом нашего исследования является подростковая повесть современного дет-

ского писателя Нины Дашевской «Вилли», которая в 2014 году стала лауреатом премии В. Крапивина.

Е. В. Посашкова, описывая художественную структуру подростковой повести, или повести «нравственного урока», отмечает, что для нее характерно «динамическое единство дидактической и лирико-психологической структур» [Посашкова 1995: 77]. Лирическая составляющая повестей такого типа связана с тем, что повествование в повести идет от лица подростка, а дидактизм реализуется в том уроке, который подросток получает в конце повести; Посашкова пишет о нравоучительном результате в сюжете: герой и его представления о мире должны измениться, происходит обретение нового, «взрослого», взгляда на мир.

Герой повести Севка, как и другие герои Нины Дашевской, – неуверенный в себе, постоянно рефлексирующий, ребёнок-одиночка. Он не верит в настоящую дружбу, не любит музыку и сторонится людей, поэтому Севка живёт в своих фантазиях и мечтах. В повести раскрыт процесс социализации: ребёнок находит друзей, изменяет свой взгляд на мир, принимает себя таким, какой он есть. Но помогает ему в этом именно его способность видеть то, чего не видят другие: в повести раскрывается ряд фантастических топосов: Город Потерянных вещей, Лесной город, Невидимый город, Деревня великанов и «Такое место». В своей статье Л. Рудова использует мысль Марии Николаевой, автора работы «Эстетические подходы к изучению детской литературы», которая отмечает, что «фантастика раскрепощает ребёнка, героев, давая им возможность выходить за рамки дозволенного и поэтому по своей природе имеет “подрывной потенциал”» [Рудова: электронный ресурс].

В повести представлены гротескные и архетипические образы. Так, Августина Блум, двухметровая, несуразная девочка, символизирует собой физиологическое изменение подростков, не готовых принять себя не только внешне, но ещё и внутренне. Кроме того, она является ещё и дарителем того особого, волшебного предмета, который помогает Севке в его жизненном пути (речь идёт о Вилли, «верном коне», спутнике героя). А загадочный Теодор Архивариус, «продавец книг и любитель карт» [Дашевская 2016: 45], тот самый мудрый старец (хотя в повести он не сильно стар), который приоткрывает завесу волшебного

мира для героя. Тео даёт древнюю карту Севке, на котором отмечен загадочный переулок Маятников и дом Августины Блюм, и охотно верит в путешествия Севки и Вилли, то есть в города, которые они вместе открыли. Мир, в котором живут Августина и Теодор, находятся на границе двух миров – мира реального и мира фантастического. Именно эти герои открывают мальчику различные необычности: книжный магазин Тео сродни волшебной лаборатории или библиотеки из «Гарри Поттера», где находятся старинные и современные рукописи, содержащие в себе знания всевозможных наук, в том числе та самая древняя карта. Дом Августины Блюм, особенно её сад, – место, которое меняет все имеющиеся представления героя о скучности бытия, меняет его внутренний мир: «...переулок Маятников был серым и уютным местом, а этот сад был... Ну, прекрасен. <...> Садик был очень маленький – всего в несколько шагов, но тут росли яблоня, и маленький тонкий каштан, и шиповник, и цветы...» [Дашевская 2016: 15]. Здесь же произошло знакомство Севки с Вилли, другими словами, для мальчика открылись двери в волшебный мир. Именно об этом и пойдёт сейчас речь.

Город Потерянных вещей не случайно возникает в повести. Велосипед Вилли «освобождает» своего друга, даёт простор его воображению, а если быть точнее, даёт ему увидеть то, что скрыто от посторонних глаз (эта мысль, кстати, прослеживается на протяжении всего произведения); он как будто придает мыслям и воображению мальчика ускорение и интенсивность. Таким образом, обыкновенная свалка оживает в сознании юного героя: «Какой еще город?.. Пустырь и пустырь, завален всяким мусором. Ой, нет, не мусором. <...> И тут я увидел. Правда целый город. Потерянный карандаш рисовал что-то в потерянном блокноте. Оторванная пуговица смотрела на меня через очки без стекол. Два ключика, позвякивая о чем-то своём, пили чай из забытого кем-то термоса» [Дашевская 2016: 40]. Проводником по этому миру становится мягкая игрушка: «И тут я увидел медведя. Может, он был не медведь, а собака, но это неважно. Он был в шарфе. В большом зеленом шарфе, человеческом, – Медведь-собака помещался в нём почти весь» [Дашевская 2016: 41]. Согласно статье А. Миронова «Жизнь замечательных игрушек: трансформация образов животных-игрушек в российской литературе» об-

раз медведя связан больше с мальчиками, чем с девочками, автор статьи приводит пример из книги А.А. Милна «Вини Пух». У Милна «в такой сказочной ситуации ребёнок делается для игрушки наставником, обладателем сакральных знаний о мире, своего рода гуру» [Миронов: электронный ресурс]. У Нины Дашевской, наоборот, медведь Жан-Поль рассказывает Севке и Вилли про свой дом. А. Миронов перечислил набор различных смыслов, которые воплощены в зооморфном образе: близкий друг, защитник (сакральный символ), связанный с домом, «с его охранительной энергией» [Миронов: электронный ресурс], исполняющий исповедальную функцию. Однако то пространство, в котором герои находят медведя, говорит о печальной судьбе Жан-Поля: выброшенный своим другом на улицу, он олицетворяет страдание и утраченную дружбу. Севка проникается к нему сочувствием, симпатией, а твёрдая позиция Жан-Поля остаться со своими потерянными друзьями демонстрирует ответственность по отношению к другим. В свою очередь мальчик усваивает для себя незыблемые истины: прощение, умение забывать плохое, взаимовыручка, помощь, умение нести ответственность, умение не унывать. Тем самым, «полагаясь на образы игрушек, дети постигают основы жизнеустройства, моделируют пространство, познают время» [Миронов: электронный ресурс].

Функциональная особенность Города потерянных вещей, значимость его для Севки заключается в понимании роли в жизни «друзей»: через некоторое время он без стеснения начинает разговаривать с одноклассником которого зовёт Комариком, затем знакомится с Марком. А жалость и дружеская забота, которую мальчик проявляет к фонарику, варежкам и другим вещам, говорят о его неравнодушии.

Второй фантастический мир, который открывает Вилли для Севки, – Лесной город. Взрослый в нем ничего кроме листвы и веток не увидит, но Севка, принимая правила игры, следуя тишине и безмолвию, примеряет на загадочных обитателей человеческую жизнь: «Сначала я только слышал, а потом и увидел их, жителей. Они бегали друг к другу в гости, шуршали в траве. Но так быстро, что трудно было разглядеть. Потом упала сосновая шишка. Но тот, кто её кинул, уже убежал. Наверное, они лущат шишки, как белки. Собирают семена. Где они живут?

Наверное, в этих пнях, в корявых стволах... И, наверное, дома у них плетёные коврики из травы. Я открыл глаза как следует, чтобы рассмотреть, – и, кажется, взмахом ресниц спугнул их. Что вот они там? А как они зимой? В спячку, может, впадают? А в большом дупле у них может быть школа. И там сейчас перемена. Смотрят тихонько и хихикают. Надо мной!» [Дашевская 2016: 54]. Очевидно, это и есть белки, но только не здесь и не сейчас, – это волшебные существа, недоступные для восприятия людьми, которых, кроме повседневных проблем, ничего не заботит. Также герой отождествляет себя, своих одноклассников с лесными зверятами, с их миром, возникает мотив сна, но не физического, а психологического: герой замкнутый и к окружающим не проявляет никакого интереса, потому что в его голове засела мысль, что и он не интересен им. Севка как бы «спит» с открытыми глазами, не замечая вокруг себя прекрасного мира и добрых, легко идущих на контакт людей вокруг себя (позже он легко сдружился с Марком и Комариком, нашёл с ними общий язык).

Отсюда функция Лесного города – помочь Севке забыть о желаемой победе в велосипедной гонке, уступить, подбодрить друга, создать ему «ситуацию успеха» и к тому же увидеть «больше всех» [Дашевская 2016: 55]. Коммуникация героя-подростка улучшается, он становится более раскрепощённым в общении с новыми друзьями, учится не «тянуть одеяло на себя», а уступать в дружбе.

Третий волшебный город – Невидимый. Его населяют люди, приносящие пользу культуре: писатели, учёные, композиторы. Этот город «открылся» не только Севке, но и Марку и Комарику, и это неслучайно, ведь именно музыка сдружила их. Он устроен так: «Композиторы строят город из звуков, и любой человек может туда попасть, если слушает. Ходить по улицам. Но жить в этих домах могут только те, кто умеет играть их музыку сам» [Дашевская 2016: 68]. Предполагается, что именно на этом этапе сюжета Севкой была осознана мысль о своей значимости, ведь так или иначе он связывал себя с тем миром, который скрыт от посторонних глаз: «Если человек что-то такое сделал в жизни важное – значит, он построил в этом городе дом. И дом уже никуда не денется, всегда будет стоять. Пока люди читают книги и слушают музыку» [Дашевская 2016: 68]. Невидимый

город – единственный из всех фантастических миров, в котором герои не путешествовали. Друзья сами придумали его во время разговора, выступили творцами, создателями – наряду с теми, кем населили город. Совместный акт творения города объединяет ребят, скрепляет их дружбу.

Мельница высотой до неба из Деревни великанов – четвёртый фантастический топос в повести. «Только великаны стали бы строить такую огромную мельницу. И лестницу с такими ступенищами. И трава здесь великанская» [Дашевская 2016: 77], – это место настолько поразило Севку, что он невольно вспоминает свою учительницу с великанским голосом и Августину Блюм. На фоне таких огромных локаций и ярких личностей главный герой чувствует себя маленьким человеком.

«Высокие башни, мосты и переходы. Лестницы и островершие крыши. Флюгер на главных воротах. Я тысячу раз видел этот рисунок. Вид сверху, вид сбоку и в разрезе. Замок. Замок, который раньше существовал только в голове у моего папы. А потом на бумаге. А потом...» [Дашевская 2016: 95] – так изображён еще один фантастический мир, то самое «Такое место». Мария Литовская в статье «Закавыченные слова как форма выражения детского сознания в повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» высказывается о том, что человек формирует свой «мыслительный мир» со своим пространством, сакральным местом [Литовская: электронный ресурс]. «Такое место» для Севки как раз то самое, сакральное. Ранее этот особый мир существовал только в мечтах Себастьяна и на рисунках его отца, а скоро он материализуется в городской театр, детскую площадку. Так фантастическое становится реальным. Функция «Такого места» – подчеркнуть двойничество ребенка и родителя, их сходство, родство, сделать акцент на взаимопонимании. Это очень показательно для прозы Нины Дашевской. Сама Дашевская в интервью говорит: «...Вышло, как всегда у меня выходит, про живых друзей, настоящих. Как-то они сами в мою книжку пришли. И ещё про некоторых мечтателей, не только детей, но и взрослых. Я вообще люблю, чтобы взрослые в книгах были необыкновенные. Мне кажется, в детской литературе взрослые слишком часто – скучные личности. А в жизни мне встречается много исключительно прекрасных взрослых людей» [Дашев-

ская: электронный ресурс]. Кстати, из двух родителей только отец разделяет приключенческий настрой сына, мать не поощряет Севку за то, что он «живёт в выдуманном мире» [Дашевская 2016: 80]. В данном случае мать, как женщина, более серьёзно относится к будущему своего сына, его взглядам, она проявляет беспокойство и, кажется, совершенно далека от мира детства, в котором до сих пор частично пребывает её муж. Однако в конце повести эта мысль опровергается. В критический момент, читатели узнают о том, что раньше и мать, и отец слышали Вилли, что становится для Севки настоящим потрясением. Для него невысказано, что переход из детства во взрослую жизнь бывает у всех. А ведь именно поэтому Августина Блюм искала нового «хозяина» и друга для Вилли. Так конфликт между поколениями, заявленный ещё в начале повести, разрешается. Важным остаётся то, что для взрослых и взрослеющих в социальной реальности мир детства постепенно уходит, но он сохраняется благодаря памяти, воспоминаниям о прошлом, мечтам.

Функция всех многочисленных топосов, с одной стороны, психологическая. Город потерянных вещей, Лесной город – все это проекции удивительной способности Севки видеть и слышать больше, чем другие. Город, построенный писателями и музыкантами, город, состоящий из их творений, свидетельствует о росте душ и мыслей героев, друзей Севки и его самого. И одновременно фантастические миры делают более очевидной авторскую концепцию бытия. Дашевская мыслит мир огромным, познаваемым с помощью разных языков, кодов, это мир, который таит много чудес, он дает возможности приложить силы и таланты.

По словам Л. Рудовой, фантастический мир отгораживает ребёнка от контроля взрослых и вместе с тем помогает обрести свободу. Находясь в этих мирах, проживая в двух реальностях – фантастической и действительной, ребёнок подвержен процессу социального и психологического взросления, он изменяет своё восприятие и точку зрения на многие окружающие его вещи: на семью, на друзей, на музыку и др. Возвращение героя в реальный мир сопровождается преодолением внутренних конфликтов и помогает найти своё «я». С помощью придуманных фантастических миров автор показывает, что пребывание ребёнка в меч-

тах, умение фантазировать не вредно, а наоборот, помогает обрести уверенность в настоящем.

Литература

1. *Дашевская Н.* Вилли. – М.: ГомпасГид, 2016.
2. *Дашевская Н.* Не думаю, что кто-то пишет ради денег. Есть множество более простых способов заработать [Электронный ресурс]. – URL: <http://write-read.ru/interviews/4787> (дата обращения: 07.11.2017).
3. *Литовская М. А.* Закавыченные слова как форма выражения детского сознания в повести В. Катаева «Белеет парус одинокий». – URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/7/6> (дата обращения: 15.11.2017).
4. *Мионов А.* Жизнь замечательных игрушек: трансформация образов животных-игрушек в российской литературе. – URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/67/63> (дата обращения: 15.11.2017).
5. *Посашкова Е. В.* Повесть «нравственного урока» (на материале прозы А. Алексина и А. Лиханова) // Русская литература 20 века: направления и течения. Ежегодник, выпуск 2. Министерство образования Российской Федерации. – Екатеринбург, 1995. – С. 76-88.
6. *Рудова Л.* Дети-аутсайдеры и параллельные миры: реальное и фантастическое в повести Екатерины Мурашовой «Класс коррекции». – URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/114/108> (дата обращения: 15.11.2017).